

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Повесть рабыни Анны

Все что написано ниже — всего-лишь фантазии. Более того, отнюдь не все я действительно хочу воплощать в жизнь. Но если найдется тот, кто поможет мне с воплощением части этих фантазий — буду рада. Пишите...

Меня зовут Аня. Мне 18 лет, большие груди, стройные ноги, симпатичная высокая шатенка с длинными волосами. Я очень скромная девушка, а в последние полгода это чувство развили мне до абсолютной покорности чужой воле. В связи с этим теперь мной можно крутить и вертеть как душе угодно, т. е. издеваться и унижать мое достоинство, чем и занимаются мои хозяева однокурсники почти каждый вечер. Я расскажу вам недавнюю историю и будет понятно до какой степени можно морально уничтожить молодую женщину и не испытывая сопротивления с ее стороны проделывать с ней всякие гадости и извращения, измываться над ней, творить беспредельное насилие над телом и нравственностью.

Они сказали, что следующую неделю я проведу в компании милых извращенцев-насилльников, что они получили за меня десять тысяч долларов и, конечно, попросили, чтобы я их не подводила. Теперь им достаточно меня попросить, потому что это равносильно для меня приказу. Раньше природная стыдливость доставляла мне только хлопоты, но сейчас они из меня почти все вытравили. Заметьте, я сказала «почти». То есть, какие-то остатки стыда сохранились, и это особенно радует моих мучителей. Ну, я отвлеклась, правда, так будет понятны некоторые аспекты моего поведения.

Сегодня я надела свои самые дорогие чулки мягкого телесного света, тонкие, как паутинка, приятные на ощупь. Мужчина, касаясь их, должен сразу спустить. Белый кружевной пояс — очень узкий, подчеркивающий мою осиную талию, белую, батистовую, прозрачную сорочку. Нижнего белья на мне не было. На ногах высокие сапоги до колена и короткая мягкая шубка, такая короткая, что чуть нагнешься и сразу видна окантовка чулок. А что делать, так приказали одеться мои хозяева. На улице 0 градусов, а я практически голая. Кого интересует мое женское здоровье?

Вышла на улицу и сразу почувствовала, как защипало мой чисто выбритый лобок. Смирясь с неизбежным, побежала на остановку. Мои мучители недаром выбрали это время дня. Час пик. Я с чувством легкой паники ловлю на себе заинтересованные взгляды столпившегося на остановке народа. Конечно, шлюха да и только. Неожиданно почувствовала, как увлажнились половые губки влагалища.

«Ты шлюха, — сказала я себе, — уже потекла. Господи, что со мной сделали! Какой стыд!»

Замечаю трех парней вставших рядом, а потом и слышу непристойности, которые они негромко говорят про меня. Наверное, будут меня щупать в давке. Влагалище увлажняется еще больше. Сучка и есть сучка, забитая, морально опущенная, извращенная особа.

Меня вносят в автобус. Вижу, эта троица пристроилась сзади и уже есть робкие попытки приподнять мою шубку. Невелики усилия и вот уже, как минимум две руки на моих ляжках. Одна шарит по чулкам, другая уже обнаружила попку без трусиков. Меня уже начали щупать всерьез. Господи, чулки отцепили от бретелек, и они висят на коленках, пальцы лезут в анус и во влагалище, лезут бесцеремонно и жестоко. Меня щипают за срамные губки изо всех сил, и мне стоит большого труда, чтобы не визжать от боли. Парни прямо-таки терзают мои

внутренности, захватывая в горсть половые губы и засовывая в анус по три, по четыре пальца. Мне очень больно и обидно. К этим чувствам примешивается еще ощущение стыда и рабской безысходности. Ко всему прочему теку, как сучка во время течки. Все, начинаю потихоньку бесшумно реветь. В этот момент мне как-то по-особому больно защемили клитор, и я всхлипнула. Меня развернули к ним лицом.

— Кончай реветь, шлюха, — раздался зловещий шепот в ухо. — И расстегивай шубу.

— Мне так стыдно, — прошептала я, принимаясь за первую пуговицу.

Раздался смешок и тут же в образовавшийся разрез кто-то из них сунул руку и схватил меня за мою большую упругую титьку пятого размера. Вообще, без ложной скромности должна заметить, что у меня фигурка фотомодели и личико очень даже смазливое, а вот груди намного выбиваются из классических параметров. И вот представляете, красивая девушка стоит зажата перед тремя парнями и плачет навзрыд, ее шубка распахнута и ее нечем неприкрытые груди зверски сжимают мужские пальцы. Мне больно тискают шелковистую кожу, крутят соски.

Так продолжается до остановки.

— Мальчики, мне выходить на следующей, — пробормотала я. — Может, вы меня проводите.

— Конечно, блядь.

Меня как ударило, но что скажешь против правды.

— Пожалуйста, застегните мне шубу и прицепите чулочки, а то, как же я пойду. Тем более, что в том месте, где меня ждут, очень обращают внимание на внешний вид потаскухи.

Тут я снова всхлипнула. Я стояла совершенно беспомощная и покорная любой участи.

— Ты мазохистка?

— Да, — прошептала я. — Секс-рабыня. Знаете, как надо мной издеваются!

— Но тебе же нравится, когда тебя трахают во все щели?

— Нравится. Но все равно, когда больно, то это реальная боль.

— Надо думать! Ладно, мы тебя оденем и проводим до места. А там еще нас развлечешь.

Согласна?

— Да. — сказала я с обреченностью в голосе.

Пока шли до нужного мне дома, я успокоилась. Мне было не привыкать к насилию над собой, и я примерно догадывалась, что произойдет через несколько минут. Вызвали лифт и, естественно, поехали до последнего, двенадцатого, этажа. Как только мы вчетвером вошли в кабинку, парни на меня набросились. Вновь была расстегнута шубка и сброшена на пол. В мои острые, как у козы, груди впились четыре руки, еще две начали терзать промежность. В анус тыкались пальцы, терзали губки и клитор. Я стояла безучастная, а потом стала шумно дышать, изображая, что возбудилась, что, кстати, было недалеко от истины. На самом деле я обильно текла. Когда мои неожиданные мучители поняли это, то удивились.

— Вот мазохистка, — с чувством произнес один из них, больно защебив мой сосок и поворачивая его.

— Больно? Отвечай!

— Больно, очень, — запричитала я. — Пощадите мое тело, прошу вас.

Эти слова действовали на них, как красная тряпка на быка. Лифт остановился, и меня вышвырнули на площадку. Я упала и ударилась коленками и локтями. Чулки порвались. Я повалилась на бок. Потом меня грубо подняли и заставили снять чулки и сапожки. Я осталась полностью голой. Они стали доставать свои вздыбленные члены. Я прислонилась к стене, но

меня схватили за груди и потащили к лестнице, ведущей на чердак. Дверь оказалась открытой, и меня втолкнули внутрь. Я снова упала на грязный пол. Они встали надо мной с обнаженными уже членами.

— Вставай сука, — страшно заорали они в один голос.

Я засуетилась и приподнялась на четвереньки. Мне руками открыли рот и, чуть не разрывая полные чувственные губы, запихали в рот огромный член. Он тут же стал долбить в мое горло.

Все сразу успокоились. Продолжали меня щупать, норовя сделать больно. Через пять минут я уже задыхалась, но вдруг в горло брызнула мощная струя и я принялась глотать ее потому, что ничего другого мне не оставалось. Отвалившегося обладателя первого члена сразу заменил другой, и снова моя глотка оказалась забитой до отказа. В это время спустивший вытирал свой грязный член о мои шикарные свежeweымытые волосы.

— Спусти ей на рожу, Серж. Хочешь сперму на свое личико?

Я закивала и тут же получила полный заряд вязкой жидкости в нос, на щеки, в глаза. Мне пришлось тянуть сперму носом и сглотнуть ее. Они это заметили и заржали. Мне почему-то стало нестерпимо стыдно, и я заревела в голос.

— Молчи, сука, иначе получишь!

Я продолжала плакать, размазывая по лицу слезы и сперму. Вдруг я заметила сквозь пелену какое-то быстрое движение. И тут же почувствовала сильнейший удар в живот. Били ногой. Я задохнулась от боли, ноги мои разъехались, и я упала. Меня еще несколько раз ударили ногами, потом, схватив за волосы, рывком поставили в унижительную позу раком. — Ты должна сосать и сосать, поняла, а не реветь. Ты же хуесоска, блядь.

Я послушно закивала головой и приняла в рот третий член. К моему заду уже пристроились, и вот уже второй член врывается в меня. Запечатали с двух сторон. К трахающему меня в рот присоединился еще один, и вот я уже сосу два члена, а третий мучает меня сзади. Они жестоко насильовали меня еще полчаса. Потом почти бездыханную, всю в сперме, заставили лечь на пол и стали тыкать обувью в мои половые органы, засовывая во влагалище ботинки до середины. У меня не было сил кричать. Я просто стонала от боли и унижения. Совершенно неожиданно они ушли, и я осталась одна на грязном полу чердака голая, затраханная до потери пульса и морально измороженная. Причитая, я нашла обрывки чулок, кое-как вытерла сперму с лица (все равно засохшие разводы остались) и спустилась на площадку последнего этажа. Нужно было спуститься до пятого. Представьте мое состояние! Пешком не пойдешь, оставался лифт, а там может случиться всякое. Я вызвала кабинку и вошла. На моем этаже лифт остановился, и я с ужасом ждала, что сейчас кто-нибудь меня увидит, стоя перед дверьми. Так и случилось!

Мужчина лет сорока в легкой куртке стоял в проеме с мусорным ведром в руках. Я, кстати, уже успела выскочить из лифта. Немая сцена продолжалась с минуту. Красивая голая девушка с растрепанными волосами, со следами спермы на лице и на теле и мужчина, чей поначалу оторопелый взгляд, начал заполняться откровенным вождением.

— Что случилось?

— Меня изнасиловали, избили, отобрали одежду, — затараторила я. — Помогите, пожалуйста.

— Чем же, девушка, вам помочь, — участливо произнес он, уже насилуя меня глазами.

— Не знаю.

— Хорошо, пойдёмте ко мне в квартиру, а там посмотрим.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Уже в коридоре он, как бы случайно, задел рукой мои титьки и, не почувствовав отпора, резко обернулся ко мне.

— Послушай, любезная, а чем ты заплатишь за мою помощь?

— Телом, — вывалилось из меня.

— Так ты маленькая блядушка, а не потерпевшая. Небошь, потрахалась с ребятами по своей воле.

— Ну, в общем, так и было. Я мазохистка и со мной можно делать, что хочешь. Я отплачу вам за вашу доброту, только не выгоняйте на улицу в таком виде.

— Значит, тебе нравится, когда тебе делают больно.

— В общем, да.

— О, а мне нравится доставлять наслаждение через боль, маленькая сука! Давно я ждал такую, как ты!

— Я на все согласна, только не увечьте меня, пожалуйста.

— Кстати, а как ты здесь оказалась?

— Мне продали на неделю садистам, живущим в этом доме. И я уже должна быть у них.

— Ничего, ночку они потерпят.

— Но, мои хозяева, получили от них деньги за меня.

— Значит, тебе хуже. А тренировка пытками тебе пойдет только на пользу

Я поникла головой и кротко кивнула.

Для разнообразия сегодняшнего дня хозяин заставил меня тщательно подмыться при нем, конечно, так, чтобы я выворачивала свои срамные губы. Потом он сделал мне пятилитровую клизму, унизив меня этим до слез. Он глумливо смеялся, глядя, как из моего ануса хлещет вода.

Он решил покормить меня из миски, и я голая лакала какую-то кашу, пока он в это время дрючил меня в задний проход. Вы когда-нибудь пробовали есть, в то время как вас сношают в задницу довольно бесцеремонно? Мои слезы капали в миску. Не дав мне, распрямиться, хозяин, развернул меня к себе и обструхал все лицо. Он вытащил ящик со столовыми приборами, уложил меня на спину, сел на мой живот и приказал мне задрать и широко разведя ноги, держать их так. Поставив ящик где-то между моих ног, он стал ковыряться в моем влагилице вилками и ножами, зажимал большие срамные губы щипчиками для колки орехов, засовывал в анус открывалку, штопор, скалку. Скалку он засунул очень далеко, и мне показалось, что она проткнут внутренности. Это только была прелюдия к главному действию. То, что меня ожидало, могло мне присниться лишь в кошмарах, но я это пережила и сейчас опишу все, что он со мной сделал, как издевался и унижал молодую мазохистку. Он завел меня в пыточную комнату. По всему пространству комнаты были вделаны крючья, на потолке, стенах, в полу. Везде валялись мотки веревок, колючей проволоки, прищепки, мышеловки, тисочки и зажимы.

— Молись, сука, — зловеще сказал хозяин. — Начнем с твоих блядских сисек.

Я стала умолять его пощадить меня, но это только еще больше распалило мужчину. Он вдел мои руки в кожаные наручники с кольцами, просунул в кольца веревки и протянул их к крюкам на потолке. Он подтянул мои руки и зафиксировал их. Он специально сделал так, что я теперь стояла на цыпочках, практически на кончиках ногтей, почти висела на руках. С мерзкой похотливой ухмылкой он взял моток тонкого капронового шнура. Он начал

стягивать левую титьку, причем не просто обматывал, а на каждом витке делал узел, крепко стягивая его. На десятом витке я орала от боли, кожа стремительно багровела и натягивалась, грудь наливалась и тяжелела. Я потерял счет виткам, но мою грудную клетку от собственно плоти молочной железы отделял широкий слой веревок, я пришла в ужас. Титька болела, ныла тупой болью, и я уже почти не чувствовала ее. Те же манипуляции он проделал с правой титькой, и теперь перед моими заплаканными глазами торчали два огромных багровых шара, перетянутые у основания — мои красивые груди. Но, оказывается, он еще приготовил испытание. Как вы понимаете, мои соски, довольно большие, выглядели теперь, как два темно-красных пятна.

Хозяин вытащил откуда-то белый тюбик с кремом и смазал соски. Буквально через минуту я почувствовала резкое жжение, и на моих глазах соски стали твердеть, пока не превратились в два цилиндрика, наполненные безумным желанием. В процессе твердения они еще больше натягивали кожу груди, и чувство похоти смешалось с чувством сильной боли. Удивительное сочетание! Мой мучитель взял тонкую бечевку и перетянул мои соски. Тут я потеряла сознание. Очнувшись от боли. Я почувствовала, что уже вишу над полом, и мои подвешенные к потолку ноги широко растянута в сторону. Как раз сейчас мужчина протыкал очередной сосок кольцом, чтобы навесить на него двухсотграммовую гирьку. Один сосок уже занял свой груз. Я снова забылась в бреду трудно переносимой боли. В очередной раз моим открывшимся глазам, когда я посмотрела на груди, предстал занавес из бечевки с гирьками, грамм по пятьдесят каждая, который шел вокруг моих многострадальных груди. Теперь на каждой титьке висело, наверное, по килограмму железа, если считать груз на сосках. В моих глазах стояла мука. После того, как он закончил с веревками и гирями, он взял горсть бельевых прищепок и...

Я очнулась, когда мучитель ушел к моей промежности. Вся поверхность иссиня-бардовых шаров груди была заполнена прищепками. Как он умудрился зацементировать на натянутой до невозможности коже по два десятка прищепок, для меня оставалось загадкой. Даже на сосках было по две штуке. Похоже, мой срам ждало то же самое испытание. Только по прикосновениям и по вспышкам боли я понимала, что он делает, копошась в моем влагалище. Он вытягивал плоскогубцами участки больших половых губ и перетягивал их бечевкой. Потом приступил к малым и клитору. Боже, он так стянул мой клитор, что я к величайшему стыду обильно потекла и обсикалась. Потом он устроил в промежности ежик из прищепок, довершив экзекуцию.

Если сказать, что те части тела, что отличают женщину от мужчины, зверски болели, значит не сказать ничего. В довершение, этот садист насажал мне прищепок на губы, уши, нос и защемил двумя штуками язык. А потом... Потом он взял видеокамеру и приступил к съемке. Я рыдала из последних сил. В то время пока он снимал, он исхитрялся хлестать меня плетью, попадая по ягодицам и животу, грудям и промежности. Я мычала и редела. Через полчаса он занялся освобождением моих органов, начав с письки. Он провозился еще полчаса, в итоге оставив веревки на грудях.

— Ну, как, милочка, понравилось, — обратился он ко мне, бездыханно лежащей на полу.

— Да, господин, очень, только тити болят.

— Болят, говоришь. Хочешь, сделаем тебе такие сиськи, что будешь в дверях застревать. А, вообще, они у тебя, нормальные, хороший рабочий материал. Я вот что придумал. Надо вытянуть твои половые губки, чтобы висели где-нибудь между ляжек. Ты как? Согласна.

— Даже если я не согласна, разве я могу возражать вам, господин. Если вы хотите, то делайте с моим телом что угодно, — я ненавидела себя за эти слова и, говоря, плакала.

— Почему ты плачешь? — поинтересовался он.

— Я просто шлюха, — сказала я. — Блядь — мазохистка. Мое тело больше не...

— ... принадлежит тебе, — закончил он. — Правильно.

Он неожиданно пнул меня в живот, а когда я согнулась, обошел меня сзади и сильно ударил прямо в промежность острым ботинком.

— Давай-ка, раскрой пизду-то.

Я подчинилась. Он поднес ботинок к пизде и сунул носок внутрь.

— Залазь на ботинок, блядина, и чтоб до самой матки достало. Как достанет, скажешь.

Я старалась, очень старалась. Я мечтала, чтобы моей матки коснулся его ботинок, моего самого сокровенного места — грязный предмет обуви. Я сама раздвигала ноги, как могла и раком залезала. Все получилось только тогда, когда я просто села пиздой на ботинок, и он вошел в меня чуть ли не по самый каблук. Я испытала такое блаженство и облила, конечно, его слезью.

— Я достала до матки, господин, — радостно прошептала я. — О, как прекрасно, когда можно доставить вам удовольствие. К сожалению, я испачкала своими выделениями кожу, но я все вылижу, только не пинайте меня, пожалуйста, за мою оплошность. Я не могу контролировать свою пизденку.

Он вальяжно развалился в кресле, а я припала к его ноге ртом и высунула язык. Он пихал ботинок в мой рот, а я продолжала лизать. Потом он закурил сигарету и приказал мне служить пепельницей. То есть, я легла на диван спиной так, что голова свешивалась, а попа уперлась в спинку. Я задрала ноги и опустила их к плечам. Он сходил за веревками. Мучитель протянул веревки под мышками, скрепил узлом, потом притянул к плечам ноги и притянул их. Взял тиски, сунул во влагалище, закрепил их веревками. Он стал крутить ручку, и щечки тисок стали раздвигать промежность, до этого узкую из-за приданной мне позы. Между ног вскоре образовалось зияющее отверстие, куда он и стал стряхивать пепел. Все закончилось тем, что о мой мочеиспускательный канал затушили бычок. Я визжала от боли. Он вышел из комнаты и вернулся с ершиком для чистки унитаза. Не вынимая тиски из пизды, он стал запихивать ершик в нее. Я потеряла сознание от стыда.

Я открыла глаза в процессе освобождения моих грудей. Мои бедные истерзанные сисечки имели цвет переспелой вишни. Он подвел меня к зеркалу, стоящему на полу, усадил перед ним и заставил раздвинуть ноги. Господи! В мои большие половые губы были вшиты веревки, с обоих концов кончающиеся обоженными узлами. Теперь мои пизду можно было застегивать или завязывать, закрывать, короче говоря, на манер обуви.

— Ой, — прошептала я. — Мне теперь совсем не нужны трусики, да?

— Конечно, блядь, — заржал мучитель. — Смотри, еще какие колечки на твоих губках. По четыре на каждой. Нравится?

— Да, нравится. И на анусе тоже.

— Вот и умница. Сейчас только приделаем тебе колокольчики в промежность, и можешь идти.

— Спасибо вам за все, Господин, — проговорила я со слезами благодарности, — что не особо покалечили меня.

— Что ты, милая, так слегка развлекся. Придешь еще?

Я задумалась. Но ненадолго. Это, как наркотик, подумала я. Конечно, приду, чего тут думать. Уже в дверях, когда, я, стоя на коленях, сосала его член, он напоследок заставил меня принять во влагалище ботинок, облизать его. Я поднялась с колен, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Он дернулся и ударил меня в живот кулаком, но потом, сообразив, что я действительно благодарю его, чуть не расплакался, вырвал клятву, что вернусь, как освобожусь. Я оставила все мыслимые координаты своего местонахождения, имена моих хозяев. Теперь он мог меня хоть из-под земли достать.

На том и расстались. Униженная девушка пошла дальше, в поисках удовлетворения своей извращенной похоти...

E-mail автора: anny_stark@mail.ru